

ПРОЛОГ

Молния.
Воды Эрис Мморга на миг осветились, бурля и кипя, будто в сумрачное сердце озера вошел огромный нож. Темная волна разбилась о едва видимый выступ черных утесов, зашипела, выплюнула брызги на сто футов вверх и опала. Мир, моргнув, погас, но волны стали только выше. Еще одна взревела, зашипела, вздохнула яростнее раздавшегося следом громового раската. Еще одна.

Тал бесстрастно смотрел на них с утеса, куда не доставали брызги. Только плащ его метался — вздувался и хлопал за спиной под порывами ветра. Старые глаза, не мигая, взирали с юношеского лица, устремляясь в ночь, туда, где — он знал — разверзалась пасть Эрис Мморга. Еще одна вспышка высветила овал зазубренных скал: волны жадно лизали их, зарясь поглотить каждого, кто подошел бы слишком близко.

За ним лежала плоская скальная площадка пика Тааг. Ничто живое не росло на ней, даже та жесткая ядовитая трава, что выживает в любой пустыне. Вечные ветра выгладили обсидиановую поверхность; в

двадцати футах за Талом она обрывалась пропастью, такой же крутой, как обрыв, с которого он смотрел сейчас. Немногие могли добраться до пика Тааг, и у немногих возникало такое желание.

На севере, на горизонте за озером, тусклое красноватое свечение вдруг разбило тьму. Взгляд Тала на миг прояснился, метнулся к свету. Маяк словно бы померк и тут же расцвел ярким рыжим пламенем, послал пронзительный луч через пустыню, обжег Талу лоб. Тот ахнул, зажмурился было, но тут же взял себя в руки.

Давно ли он вглядывается в эти глубины? Слишком давно: его побег обнаружен, поднялась тревога. Холодная острая боль когтила ему грудь: полузабытое чувство — страх.

— Держись, — прошептал он себе, снова устремляя взгляд на гневные волны. — Держись.

Цель была почти достигнута, хоть он и отвлекся на миг.

— Ты бежишь, Тал'камар. Я предостерегал тебя от бегства, — зарокотало вокруг скорее присутствием, нежели голосом.

У Тала свело живот, он обернулся, ища преследователя взглядом.

— Я знаю правду, — тихо ответил он. Он уже разглядел на дальнем краю площадки ползущую к нему тень, что была темнее остальных. Существо, присутствующее здесь лишь отчасти. Его хозяин.

Существо захихикало, и тошно было слышать этот звук.

— Ты уже не знаешь, что есть правда. Он был человеком, Тал'камар. Он лгал, ты сам так сказал. Ты насадил его голову на пику. Ты выставил ее напоказ перед

Дверью Иладриель в напоминание всем видящим. Раз-
ве ты забыл?

Тень задержалась, следя за Талом, выжидая.

Тал медлил, вглядываясь во мрак.

— Да,— хрипло зашептал он. Присутствие хозяина подавляло, сейчас ему хотелось одного — простереться ниц перед повелителем, молить о прощении.

Слабость духа.

Он продолжал, с каждым словом обретая уверенность.

— Да,— медленно повторил он.— Но меня ввели в заблуждение. Я шел по проложенному пути. Я нашел доказательство.— Он помолчал, голос его окреп.— Я побывал в Рес Карте. Я спрашивал литов.— И еще уверенней: — Я ходил в Колодцы Мор Арвила и говорил с хранителем. Я отыскал на перекрестке дорог Нетгаллу и вымучил из нее все, что она знала.— Он уже кричал, высвобождая копившийся много лет гнев, и мощный рев разносился эхом по всему Талан Голу и за его пределы.— Я пробрался в глубины под горами, под скалами Илин Тор. Я нашел зеркала. Я заглянул в них и увидел одно! — Он задохнулся, лицо его исказилось в диком торжестве.— Одну правду превыше всех других!

Тень подползла ближе, стала угрожающей, из голоса ее пропал звон.

— Что же ты нашел, Тал'камар? — насмешливо прошипела она.

Тал глубоко вдохнул.

— Ты — лжец,— это было сказано спокойно, без страха перед наступающей темнотой.— Полный, законченный лжец.

Он отвернулся, указывая вниз, на волны. Прямо над ними, быстро расширяясь, засветился ярко-голубой круг. Когда Тал развернулся обратно, тень бросилась ему в лицо, затмила взгляд, наполнила воздух зловонным дыханием. И рассмеялась гнусным издевательским смехом.

— Отсюда тебе некуда бежать, — прорычала она. — От меня не убежишь!

Впервые за многие годы Тал улыбнулся.

— Ошибаешься. На сей раз я уйду туда, куда Ааркайн Девэд за мной не последует, — тихо проговорил он.

И шагнул назад, за край. Он упал.

Тень метнулась вперед, провожая уходящего во врата, недостижимого уже Тала. Вращающееся кольцо голубого огня полыхнуло белым и погасло, не оставив и следа, словно ничего не было.

Тварь устала туда: в притихшие, будто присмирившие волны.

И вдруг поняла.

— Воды Обновления, — прошипела она.

И ее вопль наполнил мир.

ГЛАВА 1

Клинок медленно прочертил на его щеке огненную полосу. Он захлебнулся криком, хотел отдернуться, но не пускала зажимавшая ему рот ладонь. Сталь загородила свет, серая грязная сталь. Теплая кровь ручейком стекала по левой щеке на шею, под рубаху.

Остальное разлетелось осколками.

Смех. Горячая винная вонь в дыхании мучителей.

Боль слабеет, крики — не его крики.

Голоса — пронзительные от страха, молящие.

И молчание. Темнота.

Давьян распахнул глаза. Посидел, слушая, как колотится сердце, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Потом отодвинулся от стола, за которым задремал, растер лицо, рассеянно ощупал выпуклый шрам, протянувшийся от уголка левого глаза до подбородка. Шрам давно зажил, стал бледно-розовым, но иногда ныл, когда давние воспоминания грозили всплыть на поверхность.

Он встал, потянулся, разминая онемевшие мускулы и, скривившись, выглянул в окно. Из его комнатухи

в Северной башне открывалась почти вся школа, и во всех окнах под ним было темно. Факелы во дворе метались и плевались, догорая.

Стало быть, минул еще один вечер. Время утекало куда быстрее, чем ему бы хотелось.

Давьян вздохнул, поправил светильник и принялся перебирать великое множество книг, разбросанных на столе. Он, конечно, прочел все, многие по нескольку раз. И ни в одной не нашел ответов; но он все-таки вернулся на место, наугад выбрал том и устало принялся листать.

Немного погода тяжелую ночную тишину прорезал отрывистый стук в дверь.

Давьян съежился, потом смахнул с глаз завиток черных волос и, подойдя к двери, приоткрыл щелочку.

— Вирр? — удивился он, шире раскрывая дверь перед плечистым светловолосым другом. — Ты что здесь делаешь?

Вирр не спешил входить. Его улыбочное лицо было сейчас встревоженным, и у Давьяна, угадавшего, с чем пришел его приятель, ком встал в горле.

Вирр, увидев, как изменилось лицо друга, горестно кивнул.

— Нашли его, Дав. Он внизу. Нас ждут.

Давьян сглотнул.

— Они хотят сразу это сделать?

Вирр только кивнул.

Давьян помедлил, но тянуть не было смысла. Глубоко вздохнув, он погасил светильник и следом за Вирром потащился вниз по винтовой лестнице.

Когда подростки вышли из башни и направились через смутно освещенный двор, холодный воздух заста-

вил его вздрогнуть. Школа занимала громадный замок даресийской эпохи, хотя его первоначальное величие за две тысячи лет отчасти потерялось между пестрыми пристройками и заплатами. Давьян прожил в замке всю жизнь и знал здесь каждую пядь, от комнат прислуги рядом с кухней до приземистого бастиона, занятого старшими, и стертых ступеней четырех шестиугольных башен, устремлявшихся к небу.

Сегодня знакомые места не утешали его. Высокая наружная стена зловеще маячила над головами.

— Ты знаешь, как он попался? — спросил Давьян.

— Разводил костер с помощью сути. — Вирр покачал головой, почти незаметно, потому что факелы на стене догорали. — Может, всего-то струйку использовал, но блюститель со щупом оказался на дороге совсем рядом. Вышли старшие, и вот... — Вирр пожал плечами. — Пару часов назад его передали Талену, а Тален решил не затягивать дольше необходимого. Так лучше для всех.

— Смотреть от этого легче не будет, — буркнул Давьян.

Вирр придержал шаг, оглянувшись на друга.

— Аша ведь предлагала тебя заменить. Еще не поздно согласиться, — негромко напомнил он. — Знаю, очередь твоя, но... скажем прямо. Блюстителю при-
нуждают учеников на это смотреть, чтобы напомнить, что такое может случиться с каждым. А тебе, всякий скажет, это сейчас ни к чему. Никто не стал бы тебя винить.

— Нет, — решительно покачал головой Давьян. — Я выдержу. К тому же Лихим ее одногодок, Аша его знает лучше нас. Не надо ей этого видеть.

— А кому из нас надо? — пробормотал Вирр, однако согласно кивнул и зашагал дальше.

Они вошли в западное крыло замка и добрались наконец до кабинета блюстителя Талена; дверь его уже была открыта, свет лампы лился в коридор. Давьян опасливо постучал по косяку, заглянул внутрь, и мрачный учитель Олин поманил их войти.

— Закройте дверь, мальчики, — сказал седой мужчина, ради них вымучив ободряющую улыбку. — Все уже здесь.

Пока Вирр затворял дверь, Давьян обвел взглядом собравшихся в тесном помещении. Здесь была старшая Сеандра, утонувшая в угловом кресле: самая молодая из школьных учителей, она всегда была весела и улыбачива, но сейчас выглядела усталой, чужой.

Присутствовал, разумеется, и блюститель Тален, плотно стянувший на плечах голубой плащ, — как видно, мерз. Он молча кивнул мальчикам, вид у него был мрачный. Давьян кивнул в ответ — за три года он так и не привык и все еще удивлялся, что блюститель не наслаждается происходящим. Нелегко было удержать в памяти, что Тален, в отличие от своих соратников по всей Андарре, не питает ненависти к одаренным.

И, наконец, посреди комнаты, привязанный к стулу, сидел Лихим.

Пятнадцатилетний паренек был всего годом моложе Давьяна, но сейчас, связанный и беззащитный, выглядел совсем ребенком. Темно-каштановые волосы падали ему на глаза, он повесил голову и не шевелился. Давьян поначалу решил, что пленник без сознания.

Потом он заметил руки Лихима. Даже крепко связанные за спиной, они дрожали.

Когда дверь щелкнула, закрывшись, Тален вздохнул.

— Так, кажется, все готовы,— тихо проговорил он и переглянулся со старшим Олином, а потом шагнул к Лихиму и встал так, чтобы мальчик мог его видеть.

Все молча сосредоточились на пленнике: тот теперь смотрел на Талена и, как ни старался, не мог скрыть страха.

Блюститель глубоко вздохнул.

— Лихим Претар, три ночи назад ты покинул школу без оковы и не связанный четвертой догмой. Ты нарушил договор,— он говорил сухо, но в тоне было и сочувствие.— За это, в присутствии этих свидетелей, ты должен быть по закону лишен способности использовать суть. С этой ночи ты не будешь принят среди одаренных Андарры, ни здесь, ни в ином месте, без особого дозволения одного из Толов. Ты понял?

Лихим кивнул, и на долю секунды Давьяну подумалось, что все обойдется легче обычного.

Но тут Лихим заговорил, как рано или поздно заговаривал каждый, оказавшийся на его месте.

— Прошу,— сказал он, обводя комнату молящим взглядом.— Прошу, не надо. Не делайте меня тенью. Я ошибся. Это не повторится.

Старший Олин грустно взглянул на него, подходя с маленьким черным диском в руках.

— Поздно, мальчик.

Лихим мгновение смотрел на него непонимающими глазами, потом замотал головой.

— Нет! Подождите! Ну подождите! — По щекам его текли слезы, он беспомощно дергался, натягивая веревки. Давьян отвел взгляд, услышав проситель-

ное: — Прошу, старший Олин! Я не смогу жить тенью. Старшая Сеандра, подождите, я...

Краем глаза Давьян видел, как старший Олин протянул руку и прижал диск к шее мальчика.

Давьян заставил себя обернуться к замолчавшему на полуслове Лихиму. Теперь двигался лишь его взгляд, тело же застыло. Паралич.

Старший Олин почти сразу отпустил диск — кружок, как приклеенный, держался на коже. Старший выпрямился и кинул взгляд на Талена, который согласен кивнул.

Старший вновь наклонился, но в этот раз только пальцем коснулся диска.

— Прости, Лихим,— пробормотал он, закрывая глаза. Свет одел ладонь старшего Олина и, изливаясь из его протянутого пальца, ушел в диск.

Лихим затрясся всем телом.

Сперва дрожь была чуть заметной, но скоро усилилась, сводя судорогами все мышцы. Тален мягко придержал мальчика за плечо, чтобы стул не опрокинулся.

Старший Олин очень скоро оторвал палец от диска, но Лихим все бился в судорогах. Когда от его глаз стали расплываться черные полосы, Давьян сглотнул подступившую к горлу желчь. Лихим останется обезображенным на всю жизнь.

Потом мальчик обмяк, и все кончилось.

Тален убедился, что Лихим дышит, и помог старшему Олину его отвязать.

— Бедняга вряд ли вспомнит даже, как его поймали,— тихо предупредил он и, поколебавшись, глянул на старшую Сеандру, не сводившую с обмякшего мальчика пустого взгляда.— Мне жаль, что до этого дошло.

Знаю, что паренек тебе нравился. Когда очнется, я дам ему еды и несколько монет на дорогу.

Сеандра помолчала и кивнула.

— Благодарю, блюстител, я ценю это,— тихо отозвалась она.

Давьян поднял взгляд, когда старший Олин, закончив то, чем занимался, встал перед мальчиками.

— Как вы? — спросил он, явно обращаясь больше к Давьяну, нежели к Вирру.

Давьян сглотнул подступивший к горлу ком и кивнул.

— Ничего,— солгал он.

Старший ободряюще сжал его плечо.

— Спасибо, что присутствовали. Знаю, это было нелегко. Теперь,— он кивнул на дверь,— вы оба можете идти отдыхать.

Вирр на ходу устало потирал лоб.

— Тебе нужна компания? Я точно после такого сразу не засну.

— Как и я,— кивнул Давьян.

Они шли в Северную башню в задумчивом, тревожном молчании.

* * *

Вернувшись в комнатуху Давьяна, оба долго не заговаривали.

Наконец Вирр шевельнулся, сочувственно взглянул на друга.

— Ты правда ничего?

Давьян помедлил, силясь разобраться в водовороте чувств, бушевавших в нем последние несколько минут. И в конце концов просто пожал плечами.

— По крайней мере, знаю, что меня ждет,— сухо заметил он, справившись с дрожью в голосе.

Вирр поморщился и пристально взглянул на него.

— Не говори так, Дав. Время еще есть.

— Время? — Прежде Давьян в ответ на дружескую поддержку вымучил бы улыбку, но сегодня слова Вирра прозвучали слишком фальшиво.— До праздника Воронов три недели, Вирр. Три недели до испытания, и если я до тех пор не научусь использовать суть, кончу так же, как Лихим. Тенью.— Он покачал головой, в голосе прорвалось отчаяние: — Три года, как я получил Элом клятую метку, а до сих пор и коснуться не сумел сути. Не знаю даже, есть ли во мне, к чему тянуться.

— Все равно, ты не должен сдаваться,— заметил Вирр.

Давьян колебался, но ответил с досадой:

— Ты правда веришь, что я пройду испытание?

Вирр напрягся.

— Дав, это нечестно.

— Значит, не веришь? — не отступался Давьян.

Вирр поморщился.

— Ладно! — мальчик собрался с силами, подался вперед, заглянул Давьяну в глаза.— Я думаю, ты пройдешь испытание.

В голосе друга звучала полная убежденность, но это не помешало Давьяну увидеть черную струйку дыма, вырвавшуюся из его губ.

— Я же говорил,— тихо бросил Давьян.

Вирр глянул на него и вздохнул.

— Судьбы, как я иногда ненавижу эту твою способность! — Он покачал головой.— Слушай, я действительно верю, что надежда есть. А пока есть надежда, глупо было бы не делать всего возможного. Ты сам знаешь.

На сей раз Вирр не лгал, и Давьян смутился: стыдно загонять друга в угол. Он тяжело вздохнул, потирая лоб.

— Прости. Ты прав. Это было нечестно,— признался он, заставляя себя смирить бушующие чувства.— Я понимаю, ты просто хотел помочь. Да я и не сдаюсь... просто не знаю уже, что делать. Я перечитал все книги о даре, перепробовал все мысленные техники. Старшие говорят, что теорию я постиг в совершенстве. Не представляю, что еще можно сделать.

Вирр склонил голову.

— Не грусти, Дав. Мы что-нибудь придумаем.

После затянувшейся паузы Давьян нерешительно заговорил.

— Я помню, что мы это уже обсуждали, но, может быть, если бы я сказал кому-нибудь из старших, что вижу чужую ложь, они сумели бы помочь? — Он сглотнул, пряча от Вирра глаза.— Может, мы не того от них ждем? Может, им известно что-то, неизвестное нам. Ты же понимаешь, это не совсем способность читать людей.

Вирр несколько секунд обдумывал эту идею и мотнул головой.

— Не настолько «не совсем». С точки зрения старших и тем более блюстителей, если те проводят.— Он сочувственно смотрел на друга.— Судьбы знают, я не хотел бы видеть тебя тенью, Дав, но это ничто в сравнении с тем, что будет, если хоть шепоток просочится о твоём умении. Приди им в голову, что ты способен читать людей, и тебя назовут авгуром, а договор на этот счет высказывается вполне ясно. Как бы ни любили тебя старшие, в этом случае мигом передадут блюстителям.

Давьян скривился и нехотя кивнул. Об этом говорилось не в первый раз, и все обсуждения кончались одинаково. Оба они понимали, что Вирр прав.

— Тогда, наверно, надо дальше заниматься,— Давьян уставился на грудку книг, сваленных на столе.

Вирр, проследив его взгляд, насутился.

— Тебе не приходит в голову, что ты себя загоняешь, Дав? Понимаю, тебе неспокойно, но, лишив себя сил, ничего не добьешься.

— Я должен использовать все время, что мне осталось,— сухо ответил Давьян.

— Но чтобы использовать суть, надо спать не час-два в сутки. Не диво, что ты даже свечи зажечь не в силах: весь тайник мог уйти только на то, чтобы так долго продержаться без сна.

Давьян устало отмахнулся. За последние недели он не раз слушал эти соображения от желающих помочь, но впервые слышал подобное от Вирра. Беда в том, что он знал: все они правы. Одаренные, требуя от своего тела запредельных усилий, инстинктивно обращаются к потаенному запасу сути, поддерживая ею силы взамен сна. А если он истощил тайник, все попытки до него дотянуться напрасны.

И все же три года разумного распорядка тоже не помогли. Что бы ни препятствовало ему в использовании сути, причина крылась не в бессоннице.

Вирр, посмотрев на друга, со вздохом поднялся на ноги.

— Ну, если ты не собираешься спать, я точно засну. Старшая Кэн ждет от меня анализа основных мотивов половины Ассамблеи, а урок с ней у меня с самого утра.— Он выглянул в окно.— Всего через несколько часов.

— Ты не засыпаешь на своих дополнительных по политике? Я думал, ты на них и пошел, чтобы отсыпаться.— Давьян выдавил усталую улыбку, показывая, что шутит.— Но ты прав. Спасибо, что составил компанию, Вирр. Увидимся за обедом.

Давьян подождал, пока уйдет Вирр, и скрепя сердце обратился к заглавию очередной отложенной для занятий книги: «Принципы извлечения и восстановления». Он прочел ее неделю назад, но мог что-то упустить. Должна же быть причина, почему он не может дотянуться до сути. Наверняка он чего-то недопонял.

Старшие считали, что он отгородился, что подсознательно сопротивляется своим силам после первого знакомства с ними в тот день, когда обзавелся шрамом. Но Давьян в этом сомневался: та боль давно погасла. Вот если он действительно авгур, одно это могло послужить причиной... Хотя сведения о бывших правителях Андарры скрывались теперь так надежно, что искать их было мало толку.

К тому же... Возможно, дело просто в технике. Возможно, если прочитать все, написанное о природе дара, он сумеет решить задачу.

Вопреки собственной решимости, оставшись один, Давьян заметил, что слова на обложке расплываются перед глазами, а челюсти растягивает зевота. Может быть, в одном Вирр был прав. Изнеможением дела не поправишь.

Давьян нехотя встал, дотянулся и погасил светильник.

И сел на кровать, уставившись в темноту. Мысли все еще бурлили. Несмотря на усталость, несмотря на поздний час, уснул он не скоро.

ГЛАВА 2

Давьян вздрогнул и проснулся. Разбудивший его звук — настойчивый стук в дверь — повторился. Мальчик очумело оглядывался, в голове стоял сонный туман. Который час? Отдаленный гомон снизу, со двора, означал, что уже начались уроки. В луче из оставшегося открытым окна медленно проплывали пылинки: по тому, как круто падал луч, он сообразил, что теперь середина утра, если не позже.

Ругаясь под нос, Давьян вскочил на ноги. Обычно он просыпался с рассветом и надеялся, что его тело само будет соблюдать расписание, но, как видно, слишком уж много ночей оно провело без сна. Снова постучали; торопливо накинув какую-то одежду, мальчик бросился к двери, открыл.

У стоявшей за дверью девушки светлые волосы падали на плечи, а на скулах погожие дни оставили еле заметную россыпь веснушек. Она бесхитростно улыбнулась, в ее зеленых, как море, глазах плескался смех.

— Привет, Аш,— неловко поздоровался Давьян, сразу вспомнив, каким растрепой он выглядит.

— И тебе, Дав. Вид у тебя...

— Знаю.— Он пятерней расчесал густые, непокорные черные волосы, хоть и знал, что не поможет.— Похоже, я заспался.

— Похоже, что так. Самую малость.— Аша бросила многозначительный взгляд в окно. Потом тщательно оглядела коридор, убедилась, что они в самом деле наедине, и понизила голос.— Госпожа Алита с утра заставила меня побегать, но я зашла, едва смогла отпроситься.— Улыбка ее погасла.— Мне сказали про Лихима.

Память о прошедшей ночи обрушилась на Давьяна — должно быть, это отразилось и на лице, потому что Аша шагнула к нему. В ее глазах светились мягкое сочувствие и забота.

— Ты ничего?

— Ничего.— Он лгал: на самом деле страх нахлынул заново при воспоминании о бьющемся в судорогах мальчике и черных жилах, расползающихся по его лицу. Но не признаваться же Аше.— Я... ничего подобного раньше не видывал. Просто... наверно, мне это напомнило, как близки испытания.

Аша, поморщившись, кивнула, но промолчала.

В груди у Давьяна при взгляде на нее становилось тесно. За пролетевшие несколько месяцев он не раз сталкивался со страхом превратиться в тень, но только сейчас понял, что сильнее всего боялся никогда больше не увидеть Ашу. Потому что их дружба за последние пару лет превратилась в нечто большее, по крайней мере для него.

Но заговорить об этом он не мог. Пока не мог. Признание сделало бы оставшиеся несколько недель еще тяжелей для обоих, даже если Аша его чувств не разделяет.

Оба помолчали: Давьян оглянулся на косой луч солнца — оно поднялось уже так высоко, что почти не заглядывало в выходящее на восток оконце.

— Я все расскажу тебе потом,— пообещал он, вспомнив вдруг, что его ждут и другие обязанности, и выдавил бодряую улыбку.— Мне сегодня полагалось доставить припасы из Каладеля.

— Доставить припасы из Каладеля тебе полагалось бы часа два или три назад,— уточнила Аша.— Собственно... Не хочу окончательно портить тебе настроение, но я затем и пришла. Госпожа Алита спохватилась, что ты не явился за списком покупок.

Давьян застонал.

— Что она сказала?

Госпожа Алита следила за учениками строже любого старшего. Хуже того, Давьяна она почитай что вырастила и потому любое уклонение им от своих обязанностей воспринимала как личное оскорбление.

Аша пожала плечами.

— Сам знаешь — как всегда. Что-то насчет тебя, кипящего котла и ножичка, который у нее висит над столом. Всех подробностей не упомяну.— Аша горестно улыбнулась.— Но уверена, она не откажется тебе повторить.

— Замечательно...— Давьян помялся.— Наверно, не стоит просить тебя... умолчать в разговоре с ней, какой я соня?

— Она спросит.

— Соври,— Давьян вздернул бровь.— Я прошу тебя соврать.

— Вот уж от кого не ожидала! — насмешливо улыбнулась Аша.

Давьян вздохнул, пряча улыбку.

— Я буду у тебя в долгу.

— Не первый раз, — напомнила девушка.

Давьян прищурился, но улыбка наконец прорвалась наружу.

— Спасибо, Аша.

Когда Аша скрылась на лестнице, он притворил дверь куда в лучшем настроении. Как ни мало радовала его предстоящая выволочка от госпожи Алиты... и как ни тяжело легло на плечи вернувшееся воспоминание о прошедшей ночи... если тебя будит Аша, значит, день начался далеко не худшим образом.

Он постоял перед зеркалом, стирая сон с глаз и оправляя одежду, расчесывая пальцами волосы, пока не привел их в пристойный вид. Старшие настаивали, чтобы всякий выходящий за стены школы выглядел прилично. Он все равно опоздал, так что не стоило усугублять дело, выскочив на улицу растрепой.

Уверившись, что выглядит достойно, Давьян поспешил спуститься по винтовой лестнице Северной башни во внутренний дворик. Несколько учеников обступили стоящего у дальней стены старшего Джарраса, кое-кто хихикал над его рассказом. Давьян полюбовался на бородача, который картинно жестикулировал, взмахивая красным плащом одаренного, и потешно округлял глаза, вызывая среди малышни новые взрывы смеха. Улыбнулся и Давьян. Джаррас нравился всем.

Он двинулся дальше, проскочил через узкий проход к задней двери кухни. Большинство учеников вошло бы через главную дверь из столовой, но Давьян служил здесь поваренком задолго до того, как стал учеником, и не мог так просто избавиться от въевшейся привычки.

Он пробрался внутрь тише мыши, вдохнул знакомые запахи. Тепло огня, деловито кипящий над потрескивающими дровами котел. Смешение пряных ароматов, веселая болтовня Тори с Гундером, кухарки и ее подручного, рубивших овощи спиной к нему. Даже три года спустя он чувствовал себя здесь дома больше, чем в собственной башенной комнате.

Давьян замаялся. Госпожи Алиты нигде не было видно. А вот Тори, немолодая и неряшливая женщина, вечно баловавшая его, пока в Давьяне не обнаружился одаренный, наконец заметила постороннего. Она сразу отвернулась, узнав вошедшего, и их разговор с Гундером замер, когда и тот тоже увидел Давьяна.

Он вспыхнул, почувствовав себя лишним. Как всегда. Они с Гундером вместе работали поварами и вместе жили, пока в Давьяне не открылся дар. Теперь они стали чужими. Пусть слуги работали на одаренных, но война оставила слишком много шрамов, не дающих забыть, что представляют собой их хозяева. Что *он* собой представляет.

Иногда Давьян ловил в знакомых взглядах грустный укор. Как будто он их предал, как будто сам выбрал этот путь, а не был вытолкнут на него силой.

Сегодня Давьян заставил себя не замечать пристальных взглядов и зашарил глазами по кухне в поисках листка с записями, что следует купить в городке. Если найти список и сбежать прежде, чем вернется госпожа Алита...

— Ты не это ли ищешь?

Знакомый голос прозвучал за спиной. Сердце у него ушло в пятки. Обернувшись, мальчик увидел главную повариху, нарочито хмурившуюся и размахивающую листком у него перед носом.

Давьян растерянно поморщился.

— Извини.

Тучная повариха сердито покачала головой.

— Не передо мной извиняйся. Это старшие за обедом окажутся перед пустыми тарелками. И не сомневайся, я им объясню, в чем причина.

Госпожа Алита готова была разразиться очередной тирадой, но вдруг осеклась, присмотрелась к нему, сощурив глаза.

— У тебя усталый вид. — Она не забыла о недовольстве, но в голосе ее теперь звучал вопрос. — Я тебя не видела последние дни?

Давьян покосился на Тори с Гундером, но те уже занялись делом и тихонько разговаривали между собой. Ученикам не полагалось обсуждать занятия с неодавленными, но с госпожой Алитой они не раз пренебрегали правилом. Она заботилась о нем много лет, с тех пор как младенцем его оставили на попечение школы, и имела право хоть кое-что знать о его жизни.

— Скоро испытания, — отозвался Давьян вместо объяснений.

Главная повариха насупилась и понизила голос, чтобы не долетал до других.

— Так и не продвинулся? — Всмотревшись в его лицо, она помрачнела еще больше. — Все еще не уверен, что пройдешь?

Давьян закусил губу. Не хотелось ему тревожить госпожу Алиту.

— Ну... риск есть, — со старательным безразличием произнес он.

— И тебе страшновато. — Госпожа Алита утверждала, а не спрашивала. Она слишком хорошо его знала.

— Я в ужасе, — помедлив, признался Давьян.

Госпожа Алита сочувственно улыбнулась, по-матерински обняла за плечо, чуть прижала.

— Эл каждому дает ношу по его силам, Давьян. Всегда об этом помни.

— Запомню, — кивнул Давьян, хотя его эти слова не утешили. Госпожа Алита растила найденыша в правилах старой веры, но все знали, что вера в Эла и его Великий Замысел скончалась двадцать лет назад вместе с авгурами. Давьян — как и большинство нынешних андаррцев — не мог верить в то, что так очевидно было опровергнуто. Но веру госпожи Алиты он всегда уважал.

Главная повариха сунула ему в ладонь листок, несколько тяжелых монет и наградила легким, но основательным подзатыльником.

— Пошевеливайся, блюститель Тален тебя ждет. И чтобы такого не повторялось, не то я придумаю, как тебя проучить, испытания там, не испытания... — Она подалась вперед и заговорщицки понизила голос: — И будить тебя в следующий раз будет не Аша. На мой вкус, ты ей слишком радуешься.

Она вытолкала растерянного и покрасневшего парня за дверь.

Уходя, Давьян кусал губу. Что, это так бросается в глаза? Аша много времени проводила на кухне: оставалось надеяться, что госпоже Алите хватит деликатности ни с кем не делиться своими подозрениями.

Он свернул к кабинету блюстителя. Во дворике было тихо: Джаррас уже увел учеников. В стороне под присмотром мрачной Сеандры вели учебный бой двое младших учеников, но в остальном все замерло.

Давьян задержался, чтобы посмотреть на поединок. Вопреки всем усилиям его уколола зависть: из пальцев учеников вырывались тонкие язычки света и, метнувшись к противнику, разбивались о яркие, переливчатые щиты сути, потрескивающие от столкновения двух сил.

Он вдумчиво наблюдал за состязаниями. Дети — не старше двенадцати лет — были, видимо, равны по силам, но Давьян сразу определил, что щит у того, кто меньше ростом, тверже очертаниями и плотнее. И как раз в эту минуту игла яркой сути пронзила щит высокого и ужалила того в плечо, заставив мальчика вскрикнуть от неожиданной боли. Поединок скоро закончится.

Давьян оторвал взгляд и пошел дальше, давя в себе досаду, которую всякий раз ощущал при виде использования дара. «Шевелись! Заканчивай с делами и пробуй еще раз. Ничего другого не остается».

На подходе к кабинету блюстителя в животе у него все перевернулось — память о прошлой ночи была еще свежа. Сквозь приоткрытую дверь Давьян, едва собравшись постучать, услышал голоса, среди которых был незнакомый. В их маленькой, насквозь знакомой школе это было так непривычно, что он задержался.

— Так ты знаешь, зачем мы здесь на самом деле? — спрашивал незнакомый голос. После короткого молчания последовал ответ:

— Вы явились за мальчиком.

— Да. Страж Севера считает, что пора.

Давьян нахмурился. Страж Севера — брат короля и глава Надзора. О чем они говорят?

Снова заговорил Тален.

— Надеюсь, он не опоздал. Я слышал о школе в Ар-рисе.

— И в Даззари тоже.— Этот женский голос был ему также незнаком и звучал мрачно.— Около сотни погибших, и никто ничего не видел.

Тален протяжно выдохнул.

— Грустно слышать.

Кто-то хмыкнул, очевидно, сомневаясь в искренности блюстителя.

— Скажи мне, как вы здесь защищены?

— Трое все время охраняют ворота. Обычно старший с двумя умелыми учениками, а при нужде учеников бывает и трое. Стены *под охраной*: если кто-то попытается перебраться, старшие немедленно узнают.— И после паузы: — Вы опасаетесь повторения?

— Предполагаем,— равнодушно произнес первый незнакомец.— Пока этого должно хватить.

— Хорошо.— Опять пауза.— Так ты думаешь, это охотники? Я слышал, что...

Шаги прошуршали неуютно близко, у самой двери. Давьян шмыгнул прочь. О чем бы ни шел разговор, он не предназначался для его ушей, а звучал слишком серьезно, чтобы так просто перебивать.

Несколько минут Давьян побродил по коридорам, беспокойно ломая голову над услышанным. Нападения на школы? Он знал, что такое случается — охотники выслеживали и убивали одаренных поодиночке, поймав на нарушении закона, но, случалось, били и по крупным мишеням. Иной раз нападали местные жители, решив избавиться от близкого соседства с владеющими сутью. Однако в последние месяцы Давьян не слышал о крупных побоищах, о каких толковал незнакомец.

Наконец мальчик со вздохом признался себе, что услышал слишком мало. Конечно, если это касается его и других учеников, старшие их предупредят.

Вскоре Давьян решил, что выждал достаточно и можно повторить попытку, и действительно, вернувшись к блюстителю, нашел дверь широко открытой. Тален был один — перебирал какие-то записи, закатав рукава и сбросив голубой плащ блюстителя на спинку соседнего стула. Когда Давьян остановился перед его столом, Тален снял очки для чтения и выпрямился.

— А, так госпожа Алита тебя все-таки отыскала? И, как я вижу, не порвала в клочки,— с улыбкой в голосе заговорил он.

Уголки рта у Давьяна полезли вверх, едва он с облегчением понял, что Тален не станет возвращаться к событиям прошлой ночи.

— Я подожду радоваться, пока учителям не будет сказано, почему пусты обеденные тарелки,— сдержанно отозвался мальчик.

— Разумно,— усмехнулся Тален и жестом подозвал Давьяна к сундуку в углу комнаты. Этот жест открыл взгляду татуировку на его правом предплечье. Давьян, как всегда при виде метки блюстителя, сдержал дрожь. Выглядела она так же, как у него: мужчина, женщина и ребенок в круге, но если у одаренных метка возникала сама собой при первом же применении сути, то блюстители свою выбирали добровольно. И метки блюстителей всегда были окрашены в красный, а не в черный цвет. От этого они походили на клейма, словно были выжжены на коже.

— Давно мне не приходилось их на тебя надевать,— заметил Тален, открывая верхний ящик.

Давьян содрогнулся.

— Меня реже других посылают за стены... Ума не приложу почему,— добавил он, не скрывая сарказма.

Тален оглянулся на него через плечо.

— Из желания тебя защитить, Давьян. Я бы на их месте поступал так же. Тут нечего стыдиться.— Он поскреб у себя в бороде.— Кстати говоря, ты, насколько я знаю, обычно ходишь не один. Если хочешь, я мог бы попросить старшего Олина найти тебе спутника.

Давьян замотал головой.

— Три года прошло. Мне уже не требуется особого обращения. Ни от кого,— с намеком добавил он.

Тален вздохнул.

— Верно. В общем, верно.— Он вытащил из ящика руку, в которой зажал незамкнутый обруч из скрученных ониксовых полос, отполированных так, что Давьян видел в них искаженное отражение своего лица.— Протяни руку. Только прежде лучше сядь.

Давьян пожал плечами.

— Никогда не замечал, чтобы она на меня особенно действовала.

Тален усмехнулся.

— И все же. Я не раз слышал эти слова от учеников, удивлявшихся потом, почему я не потрудился поймать их, когда они падали. И от старших тоже не раз, только им не рассказывай, что я сказал.

— Согласен,— ухмыльнулся Давьян и послушно сел на стул, вытянув левую руку и подставив запястье с татуировкой. Он поежился, когда Тален прижал к его метке открытые концы дуги, и вздрогнул, чувствуя, как обруч вплавляется в тело, как ледяной металл ползет по коже и смыкается в кольцо, обхватив предплечье. Все это заняло лишь несколько секунд.

Давьян встретил пристальный взгляд блюстителя.

— Не спеши,— посоветовал тот.

Мальчик покачал головой.

— Всё в порядке.

Большинство одаренных довольно мучительно переносили окову: она вызывала сонливость, головокружение, у некоторых — тошноту. Давьян же ощутил лишь небольшую слабость и утомление, словно холодный металл отобрал час или два ночного сна. И даже это могло быть игрой воображения, учитывая, как он вымотался.

Прежде мальчик всегда считал это даром судьбы, но сегодня поймал себя на мысли, что такое отличие — совсем не подарок.

И все же... Давьян чувствовал, как холодный слой *чего-то* под кожей охватывает его и вытягивает силы. Устройство наконец заработало.

Он встал под пристальным взглядом Талена и провел по окове пальцем, проследив врезанный в холодную сталь узор.

— Я иногда удивляюсь, зачем она мне,— проговорил он с тенью обиды в голосе. Тален поднял бровь, и Давьян, заметив это движение, фыркнул:

— Не волнуйся, я не оспариваю договора. Я просто о том, что и так не могу использовать дар. Все эти догмы пока не имеют ко мне отношения.

Тален поморщился, но лицо его разгладилось так быстро, что мальчик усомнился, не померещилось ли. Затем блюститель сочувственно кивнул.

— Конечно. И все равно,— он опустил ладонь на плечо ученика.— Именем четвертой догмы, вернись в школу, как только закончишь дело.

Давьян закатил глаза, ощутив слабое тепло в левом запястье: догма возымела действие. Сам договор был довольно сложен: ряд поправок и дополнений к законам Андарры, но по-настоящему связывали одаренных не он, а догмы. После того как на коже у них проступала метка, они оказывались физически неспособными нарушить клятву, принесенную пятнадцать лет назад Стражу Севера. Тален, воззвав к четвертой догме, вынудил Давьяна исполнить приказ.

— Это обязательно?

Тален поднял бровь.

— А ты ждал, чтобы я дал такому баламуту шанс сбежать?

Давьян слабо улыбнулся и покачал головой.

— Хорошо, я зайду после возвращения.

Слабое беспокойство ужалило его уже во дворе: с утра у мальчика не было времени задуматься, но сейчас он впервые за много месяцев остался один. И, как бы ни храбрился он перед Таленом, со спутником ему было бы спокойнее.

Так, впрочем, бывало всегда. Нельзя, чтобы его прошлое — его страхи — без конца доставляли всем неудобства.

Он впряг школьную лошачиху Джени в шаткую старую тележку для припасов. Джени была смирной и, как всегда, покорно дала себя запрячь. Давьян рассеянно отметил, что во дворе привязаны еще три лошади, а обычно не бывало ни одной. Кони принадлежали таинственным гостям, чей разговор с Таленом он, по всей видимости, и подслушал.

Быстро собравшись и набрав в грудь воздуха, чтобы овладеть собой, он мягко дернул вожжи и направил Джени к Каладелю.

